

Андреева Е.Д.

Оренбургский государственный университет

E-mail: ied-may@mail.ru

ПЕРЕДАЧА ОБРАЗНОГО И СИМВОЛИЧЕСКОГО ПЛАНА В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖОНА КИТСА)

Слово рассматривается как единица художественного текста, концентрирующая в себе художественный образ, за которым открывается глубина символа. Подобная многоплановость слова представляет собой существенную трудность для переводчика, так как нередко недостаточное внимание к слову в переводе приводит к искажению художественного замысла текста. В связи с этой проблемой целью исследования является анализ того, каким образом автор-поэт подсказывает читателю, что определенное слово в тексте имеет символическую глубину и как образ и символ взаимодействуют или противоречат друг другу. В задачи исследования входит также рассмотреть переводческие решения, которые приводят к передаче/потере символического плана.

В балладе Джона Китса, взятой за основу анализа, выявляются слова-образы, которые описывают и организуют отношения героя-рыцаря и Прекрасной Дамы, а также символический план, стоящий за ними и представляющий трагическую картину гибели героя из-за «запретной» любви: «knight-at-arms», «faery», «steed», «honey», «grot». В данных словах с привлечением толковых и специализированных словарей раскрывается образное и символическое значение, которое сравнивается со значением единиц, замещающих эти слова в вариантах перевода на русский язык.

В статье делается вывод о том, что переводчику при работе с подобными словами-образами-символами необходимо делать глубокий анализ компонентов семантики слова и с большим вниманием подходить к выбору варианта перевода, т. к. неточное слово может разрушить образ или символ, или то и другое вместе.

Ключевые слова: перевод художественного образа, перевод символа, слово-образ, вариант перевода, образный и символический планы.

Как пишет Т.А. Казакова, «одной из возможных единиц измерения художественного слова и, соответственно, перевода является слово» [4, С. 90]. Слово совмещает в себе указание на объективную реальность и в то же время отражает духовный мир автора и множество коннотативных, символических и архетипических значений, которые оно приобрело за время своего существования. «Представление о слове как о знаке, отражающем совокупный комплекс ассоциаций, представлений, оценок и интуитивных реакций, может оказаться особенно продуктивным в теории перевода и, в частности, в связи с художественным текстом» [4, С. 92].

Задачей работы является рассмотреть совмещение в слове художественного текста образного и символического плана, а также то, какие пути избирают переводчики, сталкиваясь с подобными словами-образами и насколько выбор варианта перевода влияет на отражение многоплановой образно-символической картины. В качестве материала исследования выступает баллада английского поэта первой половины XIX в. Джона Китса (1795–1821) «La Belle Dame Sans Merci». Баллада существует в двух

вариантах: первоначальном 1819 г. и опубликованном 1820 г. Производится анализ оригинальной версии и восьми вариантов ее перевода. Для удобства анализа анализируемые переводы соотнесены с римскими цифрами: I – Л. Андрусон [6]; II – В. Левик [2]; III – А. Щедрецов [6]; IV – В. Набоков [6]; V – Л. Внукова [6]; VI – С. Сухарев [6]; VII – Б. Лейви [7]; VIII – Э. Соловкова [8].

Баллада интересна тем, что почти каждое слово в ней создает яркий тщательно выписанный образ и вдобавок само является символом или открывает символические значения других слов. «Keats is not quite at his best, not quite himself, in this imitative Ballad, – which, alone among his poems, is admirable rather for the picturesqueness of the whole, than, (as with Lamia or the Nightingale), for the equal wealth of the details also»¹ [17].

Изменения в лексическом составе текста могут повлечь за собой изменения в образности всего стихотворения. Это легко проследить на примере слова-образа «knight-at-arms». У Джона Китса этим словом обозначается герой стихотворения, причем оно повторено дважды.

¹ Эта подражательная баллада – не самая лучшая у Китса, в ней не полностью отразился его поэтический голос. Однако баллада, единственная среди его стихотворений, восхитительна своей живописностью, а также (как «Ламия» и «Соловей») богатством деталей (перевод наш. – Е.А.).

Появившись в первой строке, данное слово-образ задает тон всей балладе, у читателя возникает целый ряд ассоциаций с рыцарским романом, рыцарскими балладами и типичными для них перипетиями, в том числе с сюжетом о рыцарском служении прекрасной даме («la belle dame», вынесенное в заглавие, с французского переводится как «прекрасная дама»). Помимо этого, данное слово-образ подсказывает читателю, что рассказ будет о «делах давно минувших дней», т. е. уводит его в вымысел, за пределы знакомого ему реального мира.

Займованное слово «рыцарь» давно вошло в русский язык и несет с собой примерно ту же гамму ассоциаций, которые возникают у англоязычного читателя. И в семи вариантах перевода это слово есть, однако в варианте IV вместо него стоит слово «горемыка». Это объясняется тем, что В. Набоков осуществлял свой перевод с опубликованной версии баллады, где главный герой назван «wretched wight». Опубликованная версия отличается от оригинальной небольшими изменениями, которые несущественны в контексте нашего анализа, за исключением отсутствия слова «knight-at-arms». Возможно, Китс во второй версии баллады хотел подчеркнуть печальную судьбу героя, но также оказался потерян контекст встречи рыцаря с прекрасной дамой, четко прослеживаемый в первоначальной версии. Таким образом, и версия баллады, с которой осуществлен перевод В. Набокова, и этот перевод, не дают возможность читателю с самого начала узнать обстановку и в определенной мере развитие действия.

Если рассматривать слово «горемыка», которым переведена оригинальная единица «wretched wight», то можно отметить определенную русификацию текста (что характерно в целом для переводческой деятельности В. Набокова), о чем также свидетельствуют такие слова, как «житница», «чело», «чародейка», «очи», «зелье», «королевич», «витязь», «алканье», «уста». Почти все эти слова относятся к архаизмам и историзмам и встречаются в русской волшебной сказке. Возможно, таким образом В. Набоков стремился создать аналог

английскому рыцарскому миру, но с точки зрения адекватности перевода подобную образную подмену нельзя считать оправданной.

В символическом плане рыцарь являет собой воплощение благородства и служения высоким идеалам [13]; рыцарь на коне символизирует дух, обуздавший тело [10], [12]. В балладе Китса прямо не указано, но по некоторым намекам можно предположить, что его рыцарь коня лишен («what can ail thee», «alone and palely loitering», «I sojourn here»). С точки зрения символики, рыцарь, поддавшись чарам Прекрасной дамы, т. е. плотскому началу², теряет коня и свой рыцарский дух. Потерю духа подтверждает и символ молчащих птиц [2]. С утратой этого слова-образа нарушается символическая картина стихотворения, причем в одной из существенных ее частей – рыцарь, потерявший дух и коня, обречен на бесплодные скитания. Это и объясняет его физическое и душевное состояние, описанное в первых четверостишиях баллады.

В связи с этим образом особое значение приобретает слово «palely» («pale»), которым характеризуется как сам рыцарь, так и приснившиеся ему короли, принцы и воины. В предыдущем анализе баллады Китса мы уже говорили об образе-символе «lily» и связывали его с символикой белого цвета как цвета смерти [2]. «Pale» («whitish», «dim», «feeble») [19] в символическом и образном плане близок данной трактовке, это признак приближающейся (или уже случившейся) смерти. В пяти вариантах перевода (I, II, IV, V, VI) слово со значением «бледный» встречается в описании рыцаря, и в шести (I, II, IV, VI, VII, VIII) – в описании пригрезившихся рыцарю «служителей» Прекрасной Дамы. В вариантах I, II и IV перевод близок к оригиналу, что ведет к совпадению образного и символического планов. В варианте VI слово «бледно» встречается как замещение образа «lily», что в образном плане не влечет за собой смысловых потерь.

В тех переводах, где слово с семантикой «бледный, белый» отсутствует вообще или в одном из двух случаев, обедняется символический план. Там, где эта потеря дополнена

² На это недвусмысленно указывают строки «She looked at me as she did love, // And made sweet moan», которые английскими комментаторами толкуются в смысле физической близости между рыцарем и Прекрасной Дамой, но русскими переводчиками переданы в более возвышенном ключе. Только вариант IV приближается к первой трактовке («и стонала // так нежно в объятьях моих»). Кроме этого, в восьмом катрене говорится о поцелуях, которыми одаривал рыцарь свою прекрасную Даму, следовательно, любовь его далеко не идеалистична.

отсутствием в переводе слова со значением «холодный» [2], символический план вообще не прочитывается как приближение смерти (варианты III, V). В отдельных случаях смысловые потери компенсируются за счет других слов: «последним сном забылся я» и «трава мертва» (I), «и сон последний снился мне» и «Предстала бледная как смерть // Мне воинская сила» (VI), «блуждаю здесь // Как бледный призрак» (VIII).

Следующее слово, которое совмещает в себе образный и символический планы, – «faery». С точки зрения художественного образа, встреченная рыцарем Дама характеризуется как «feary's child», «full beautiful». Она поет ему волшебные песни, угощает божественными яствами («roots of relish sweet», «honey wild», «manna-dew»), а рыцарь украшает ее цветами. Феи (эльфы) в сознании людей связаны с природой, ландшафтом, способны к неожиданным превращениям, говорят на своем языке. Все эти составляющие образа реализуются в балладе Китса. Проанализируем варианты перевода следующих отрезков оригинала: «a faery's child», «a faery's song», «language strange», «elfin grot».

В варианте I героиня характеризуется как «дитя пленительное фей», она поет «песню-сказку», а в двух других отрезках соответствующие определения потеряны. В варианте II отсутствует слово с семантикой «волшебный» в описании Дамы, другие отрезки переведены с сохранением образа: «песня фей», «странно прошептала» (образ обеднен, поскольку слово «странно» относится не к языку, а к манере речи), «волшебный грот». В варианте IV происходит замена слова «фея» на «чародейка»: «чародейки неведомой дочь» и «чародейная песня». Такую замену можно считать адекватной, поскольку образ волшебства, связанного с Дамой, сохраняется. В двух других отрезках образ сохранен: «на странном своем языке» и «приют между сказочных скал». Вариант V: «эльфийка», «на странном языке шептала песнь цветам» (происходит объединение двух компонентов образа в один), «сказочный грот». В вариантах VI и VII из четырех компонентов имеются только два: «прекрасней феи мая» и

«чуждый, странный язык» (большая экспликация образа) (VI); «пела дева о своей // Сказочной стране» (компенсации опущенному слову «фея») и «язык чужой» (VII), а в варианте VIII только один: «Феи дочь».

Образ волшебной прелестницы, знающей тайны природы, создаваемый в балладе Китса посредством указанных элементов, в той или иной степени передан в подавляющем большинстве переводов, и отсутствует в варианте III, где мы не обнаружили никаких аналоговых слов с необходимой семантикой, что значительно обедняет замысел автора и не отвечает требованиям художественной точности.

С точки зрения символа, феи воплощают человеческие желания и силу изменчивой судьбы [13]. Данная символическая трактовка подтверждает анализ образа «knight-at-arms»: рыцарь, поддавшись телесному влечению, утрачивает свой дух, и его судьба совершает роковой поворот. Воплощением его желания является «дитя фей», Прекрасная Дама. В тех вариантах, где переводчики отказываются от слова «фея» при характеристике героини (I, II, III, IV, VI³, VII), происходит утрата символического плана.

Слово-образ «steed», взятое как художественный образ, не вызывает затруднений у переводчиков: в четырех вариантах (I, III, IV, VII) оно переведено словом «конь», в трех вариантах (II, V, VI) имеется смысловое развитие – перевод осуществлен словом «седло». В варианте VIII присутствуют оба слова. Иными словами, художественный образ переведен полностью.

Конь (именно такой перевод предполагается словом «steed»⁴) имеет множество символических значений. В контексте данного анализа приобретают актуальность следующие символические трактовки образа коня: конь как признак мужской сексуальной энергии, как символ страстей, влечений и вождения. Обратим внимание, что рыцарь сажает прекрасную даму на своего коня, что в символическом плане подтверждает мысль о том, что отношения рыцаря и Прекрасной Дамы не были платоническими. Поэтому в тех вариантах перевода, где есть слово «конь» и сохранен образ оригинальной

³ В этом варианте Прекрасная Дама всего лишь сравнивается с феей, но не наделяется волшебными характеристиками посредством прямого наименования.

⁴ A horse, esp one that is spirited or swift [19]

баллады, передан и символический план. В вариантах, где слово «конь» меняется на слово «седло», происходит размывание символического плана, поскольку, несмотря на то, что эти два слова находятся в очень близкой ассоциативной связи, в доступных нам словарях символов мы не обнаружили соответствующей символической нагрузки у слова «седло».

Кроме того, в кельтской традиции конь выступал проводником душ в потусторонний мир, а в рамках европейской культуры конь может символизировать бег времени. Существенно то, что в оригинальном тексте баллады конь рыцаря характеризуется словом «racing» – «бегущий иноходью, аллюром». Мы расшифровываем символический план этого отрезка стихотворения следующим образом: рыцарь, встретив Прекрасную Даму и полюбив ее земной любовью, забывает о времени, убаюканный ее волшебным пением, и дальнейшее развитие действия указывает на то, что жизнь рыцаря после встречи с Прекрасной Дамой, не знающей милосердия, и посещения ее волшебного грота подходит к концу. Выше уже было указано, какие слова-образы подтверждают данную трактовку.

Обратимся к вариантам перевода.

Вариант I:

И *долго* ехали в лугах
Мы с нею на моем *коне*.

Здесь присутствует и слово «конь», и указано то, что поездка была долгой. Однако созданию полной картины мешает отсутствие аналога слову «racing», его замещает слово с более общей семантикой «ехать».

В следующих вариантах переводчики пошли примерно по такому же пути, однако отсутствуют слова с семантикой движения, что лишает символический план компонента, который условно можно назвать «движение к закату жизни».

Вариант II:

Я взял ее в *седло* свое,
Весь *долгий* день был только с ней.

Вариант III:

Безмолвно поднял на *коня*
Я ту, что всех милей,

И *долго* песня для меня
Лилась среди полей.

Вариант IV:

На *коня* моего незнакомку
посадил я, и, *день заслоня*,
она с чародейною песней
ко мне наклонялась с коня.

Вариант VIII:

Ее в *седло* я усадил,
Весь день внимал ей онемело:
Ведь на *коне* моем она
Мне песню пела.

Вариант VI близок к предыдущим вариантам за тем исключением, что в нем имеется выражение, которое косвенно указывает на движение, но созданию символической картины оно способствует мало:

Я посадил ее в *седло*:
Ко мне склоняясь несмело,
Она *весь день в пути* со мной
Мне песни пела.

В варианте V есть глагол движения «бродили», но он предполагает, что герои ходили медленно и пешком, т. е. семантика бега времени не передана:

Тогда, ни слова не сказав,
Поднял ее в *седло* <...>.
Весь день мы вместе провели,
Бродили по лугам <...>.

Помимо этого, в оригинале слова «racing», «steed» и выражение «all day long» расположены в пределах одного двустипа, в анализируемом же варианте их аналоги раскиданы по двум катренам. Из-за этого символика еще больше обедняется, в то время как в оригинале за счет большей плотности слов-образов, работающих на создание символической картины, символика более четкая.

Интересное переводческое решение предлагает вариант VII:

Ретивый конь унес нас вдаль,
Вослед седой луне <...>.

Обратим внимание, что конь характеризуется словом «ретивый». В словаре русского языка С.И. Ожегова «ретивый» определяется как «быстрый» [9], т. е. за счет семантики одного лишь этого слова передается и движение, и быстрота бега времени. Помимо этого, на создание образа бега времени работают и слова «унес», «вдаль» и «седая луна». Интересным словом является «седой». В семантике этого слова есть компонент значения «старый», «близкий к смерти». Это определение, относясь к луне, бросает отсвет и на героев, но героиня, являясь волшебным существом, не подвержена старению, а герой да. Таким образом, вольность⁵ переводчика в образно-символическом плане является адекватной.

Тема волшебства и влюбленности рыцаря продолжается в седьмом катрене, где Прекрасная Дама угощает его сладкими кореньями, медом и манной. Все это пища, явно не обычная для человека, это «пища богов». Мед («honey wild») и манна («manna-dew») указывают на благодать и благословение, видимо, так рыцарь и воспринимает (хочет воспринимать) свои отношения с Прекрасной Дамой, но присутствие некоторых слов-маркеров указывает читателю на наличие другого смысла у происходящего. Слово «relish», которое стоит как определение к слову «goods», имеет значение «great pleasure and satisfaction» [18], что снова спускает образ любви рыцаря с возвышенного до телесного; манна названа «manna-dew», и в сознании читателя помимо прочего знания о росе актуализируется и знание о том, что роса исчезает с утренними лучами солнца (что и произошло с возлюбленной рыцаря, когда он погрузился в сон); мед характеризуется словом «wild», которое имеет значения «дикий, безудержный, необузданный, беспорядочный, безнравственный, сумасшедший» и т. д. [18], [19], т. е. это слово большей частью с отрицательной коннотацией, что в сочетании с «благодатным» медом в образном плане представляет собой оксюморон.

Разберем варианты перевода первой и второй строк седьмого четверостишия.

Понравились ей – дикий мед И пища скромная моя. Вариант I	Нашла мне сладкий корешок, Дала мне манну, дикий мед. Вариант II
Пучок корней в ее руке Был слаще всяких блюд. Вариант III	Находила мне сладкие зелья, мед пчелиный и мед на цветке <...> Вариант IV
А для меня она нашла В янтарных сотах мед <...> Вариант V	И корни трав, и дикий мед Она мне отыскала <...> Вариант VI
Нектар и мед я жадно пил <...> Вариант VII	Она мне дикий мед нашла, Коренья и росу густую <...> Вариант VIII

Для наглядного представления данные о наличии в анализируемых вариантах слов с необходимой семантикой сведены в таблицу 1.

Меньше всего затруднений вызвало слово с семантикой «мед» (7 вариантов из 8), в четырех вариантах есть и его определение «дикий». Реже всего встречаются «манна» и «роса» (по одному разу), причем не в сочетании друг с другом. Исходя из данной таблицы, ближе всего к исходному тексту в образном плане (изображение «неземной», «волшебной» еды) стоят варианты II и VIII, но благодаря добавочному слову «нектар» переводчику в варианте VII также удалось создать аналогичную оригиналу картину, даже при наличии только одного из исходных слов-маркеров. Остальные варианты за счет отсутствия некоторых слов-маркеров рисуют более «земной» образ.

В символическом плане важно слово «honey», являющееся многозначным символом. Мед символизирует бессмертие, возрождение, чистоту, посвящение, мужественность, плодovitость, потенцию. В некоторых культурах мед считается афродизиак. Символическая наполненность этого образа в целом положительная, однако благодаря определению «wild» данное слово-образ начинает актуализировать измененные символические смыслы: не бессмертие, а гибель, не чистоту, а грех. Мед в контексте бал-

⁵ В оригинале баллады нет никакого упоминания о луне.

лады и в сочетании с уже указанными словами-образами становится символом мужской силы рыцаря и его земной любви. Существенным является тот факт, что этот мед «дикий» (в прямом и переносном смысле), без этого прилагательного правильное прочтение данного символа невозможно. Из восьми анализируемых вариантов в четырех сохранено сочетание «дикий мед», но в варианте I переводчик допустил существенное изменение, разрушающее образ и символику оригинала: дикий мед подносить даме рыцарь, а не наоборот, как в исходном тексте. В варианте II слово-образ «groots» переведено словом с уменьшительным суффиксом «корешок», что определенным образом снижает символическое звучание картины. Варианты VI и VIII ближе всего отражают символику оригинального текста.

Последним словом-образом в ряду маркеров рассматриваемой нами темы любви рыцаря взято сочетание «elfin grot». О прилагательном, характеризующем грот Прекрасной Дамы, уже сказано выше. Само слово «grot» имеет эквивалент в русском языке и вызывает в сознании читателя тот же самый ряд ассоциаций: небольшая пещера (ниша в скале), часто искусственного происхождения, украшенная растениями и водопадами (фонтанами). В 7 вариантах перевода есть слово «грот» (художественный образ отражен), в варианте IV оно заменено на «приют между сказочных скал», т. е. это не обязательно грот, пещера. Подобная замена приводит к созданию иного художественного образа, чем задумано в оригинале.

Грот – это символ встречи с божеством, в качестве которого выступает героиня, «дитя фей». Но грот, как любая пещера, также символизирует лоно земли, лоно женщины. Читатель снова встречается с указанием на то, что рыцарь любит Прекрасную Даму земной любовью. Третий компонент символического значения грота – это смерть. Пещеры часто служили местом погребения в различных культурах, и в балладе Китса в части, посвященной пребыванию рыцаря в гроте героини, есть следующие строки:

And there I dreamed – Ah! Woe betide! –
The latest dream I ever dreamt <...>,

что может быть прочитано таким образом: случилось горе (woe betide) и рыцарь забылся последним сном, т. е. умер. В английских комментариях к данной балладе указывается, что «Keats's knight is lost, abandoned, and already living a posthumous existence, which is how the poet himself would eventually refer to the last months of his life just two years later»⁶ [16]. Соответственно, неестественная бледность рыцаря и других поклонников Прекрасной Дамы (слова «pale» и «palely») повторяются неоднократно объясняется тем, что все они теперь призраки⁷.

В тех переводах, где присутствует слово «грот» и связанное с ним в один художественный образ выражение «последний сон» (I, II, VI, VII, VIII), передан символический план. В вариантах III и V, где слову «сон» не сопутствует

Таблица 1. Варианты перевода слов-маркеров четверостишия №7.

№	«корень»	«сладость»	«мед»	«дикий»	«манна»	«роса»	добавочные образы
I	-	-	+	+	-	-	+
II	+	+	+	+	+	-	-
III	+	+	-	-	-	-	-
IV	-	+	+	-	-	-	-
V	-	-	+	-	-	-	-
VI	+	-	+	+	-	-	-
VII	-	-	+	-	-	-	+
VIII	+	-	+	+	-	+	-

⁶ Рыцарь Китса потерян, покинут и уже живет загробной жизнью; именно так сам поэт в итоге описывал последние месяцы своей жизни два года спустя (перевод наш. – Е.А.)

⁷ Слово «призрак» в последнем катрене встречается в варианте VIII, что может свидетельствовать о глубоком проникновении в замысел автора баллады.

прилагательное «последний», воспринять символическое значение слова-образа «грот» значительно труднее. В варианте IV, где нет маркеров «грот» и «последний», полностью отсутствует данный символ оригинальной баллады.

В результате исследования мы видим, что часто при близком следовании оригиналу переводчикам удается передать и образный, и символический планы. Однако, необходимо обращать внимание и на сопутствующие основному слову-образу слова-маркеры, без

которых образ и, соответственно, символ может быть не понят или искажен (как в случае со словом-образом «grot» и сопутствующим ему сигнальным выражением «last dream»). В отдельных случаях образный и символический планы могут вступать в противоречие (как слово-образ «honey» и слово-маркер «wild»), и переводчикам необходимо производить глубокий анализ, чтобы не потерять символический план и не обеднить тем самым образность текста.

19.10.2015

Список литературы:

1. Аверинцев, С.С. Символ в искусстве / С.С. Аверинцев // Лит. энциклопед. словарь. – М.: Наука, 1987. – 352 с.
2. Андреева, Е.Д. Особенности перевода слов-образов англоязычного поэтического текста (на примере творчества Джона Китса) / Е.Д. Андреева, У.С. Баймурагова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/121-18130> (дата обращения: 21.09.2015).
3. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
4. Казакова, Т.А. Художественный перевод. Теория и практика / Т.А. Казакова. – СПб.: ООО «Иньязиздат», 2006. – 544 с.
5. Китс, Дж. La Belle Dame sans Merci / Дж. Китс, перевод В. Левика // Стихотворения и поэмы. – М.: Рипол Классик, 1998. – С. 213-215.
6. Китс, Дж. La Belle Dame sans Merci / Дж. Китс, переводы Л. Андрусона, А. Щедрцова, В. Набокова, Л. Внуковой, С. Сухарева // Top Antropos портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://top-antropos.com/literature/biblioteka/itemlist/tag/La%20Belle%20Dame%20sans%20Merci> (дата обращения: 28.02.2015).
7. Китс, Дж. La Belle Dame sans Merci / Дж. Китс, перевод Б. Лейви // Speaking in Tongues портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://spintongues.msk.ru/Keats3.html> (дата обращения: 28.02.2015).
8. Китс, Дж. La Belle Dame sans Merci / Дж. Китс, перевод Э. Соловковой // Поэзия.ру портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=92460> (дата обращения: 28.02.2015).
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, под ред. Н.Ю. Шведовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com> (дата обращения: 21.09.2015).
10. Символы и знаки портал. [Электронный ресурс]. URL: http://sigils.ru/dict_r1.html (дата обращения: 21.09.2015).
11. Словарь символов. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/symbol/> (дата обращения: 21.09.2015).
12. Словарь символов. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarslov.ru/slovar/sim.html> (дата обращения: 21.09.2015).
13. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер // Институт психотерапии и клинической психологии портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=1153> (дата обращения: 21.09.2015).
14. Халтрин-Халтурина, Е.В. Джон Китс и культ прекрасного: о динамике образного ряда в поэме «Гиперион: фрагмент» / Е.В. Халтрин-Халтурина // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №2. – С. 135-139. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/2/Haltrin-Khalturina_John-Keats-Cult-Beauty/21_2010_2.pdf (дата обращения: 1.03.2015).
15. Чернец, Л.В. О принципе недоговоренности в художественной литературе / Л.В. Чернец // Филологические науки. – 1992. – №1. – С. 11.
16. Earl, M. John Keats: «La Belle Dame sans Merci». Beyond self-expression / M. Earl. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poetryfoundation.org/learning/guide/242698> (дата обращения: 21.09.2015).
17. John Keats. Poetical Works. 1884. Notes // Bartleby.com портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bartleby.com/126/1000.html#55> (дата обращения: 21.09.2015).
18. Macmillan. Словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 21.09.2015).
19. Collins. Словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 21.09.2015).
20. Keats, J. La Belle Dame sans Merci / J. Keats // English and American Literature from Shakespeare to Mark Twain. [Электронный ресурс]. – Berlin: Directmedia, 2002. – С. 357-358.
21. Shmoop Editorial Team. La Belle Dame Sans Merci Summary // Shmoop University портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shmoop.com/la-belle-dame-sans-merci/summary.html> (дата обращения: 25.09.2015).

Сведения об авторе:

Андреева Елена Дамировна, доцент кафедры теории и практики перевода факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Пбуды, 13, e-mail: ied-may@mail.ru.